

О ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

А.А. ГОСТЕВ

Гостев Андрей Андреевич — ведущий научный сотрудник ИП РАН, доктор психологических наук, вице-президент Российского фонда трансперсональной психологии. В конце 1980-х гг. принимал активное участие в основании российской трансперсональной психологии, входил в редакционную коллегию по переводу и изданию в России классиков трансперсональной психологии, был соинициатором и соорганизатором первой учебной программы по трансперсональной психологии в середине 1990-х гг.
Контакты: aagos06@ Rambler.ru

Резюме

В статье рассматривается ряд актуальных проблем создания системы психологического знания, ориентированного на святоотеческую православно-христианскую традицию. Подчеркивается, что такая форма описания психической реальности равноправна системам описаний, существующих в академической психологической науке. Внимание читателя обращается на те аспекты изучения психики, внутреннего мира личности, которые не присутствуют в академической психологии, но открываются в православно-христианской антропологической и психологической традиции. Прежде всего речь идет о сфере изучения религиозно-мистического опыта, проявлений духовности человека, природы и функционирования нравственного начала человека, процесса познания высших духовных смыслов бытия.

Первой реакцией на приглашение участвовать в дискуссии был отказ. Он был вызван тем, что проблема соотношений, с одной стороны, секулярной психологии и, с другой стороны, системы психологического знания, ориентированного на осмысление религиозно-мистического опыта, — во многом уже пройденный трансперсональной психологией

(ТП) этап. Отношения выяснялись давно, и результаты известны. Традиционная психология не признает ТП как направление психологической науки. Сторонники ТП не понимают, как можно игнорировать сущностное в психике человека в угоду построению систем описания психического, реально неспособных отразить глубины души. Они по-хорошему скорбят

о коллегах, которым не открыто важное, значимое, глубокое и высокое одновременно — достойное научного осмысления. А не открыт опыт переживания духовной реальности, существующей онтологически, и, соответственно, не запущен исследовательский интерес. Наоборот, активизированы индивидуальные защитные механизмы противления духовному знанию, подсказывающему путь решения многих проблем, — сохраним чистоту «строго научного» знания о психике. Спокойнее будет спать, не задумываясь о представленности «вечного» в родной науке.

Поэтому дискуссия казалась не имеющей большого смысла, ибо неполнота атеистической психологии открывается психологу, когда он обретает указанный непосредственный опыт. Для меня это было очевидно, в частности, из многолетних контактов с классиками мировой ТП, которые прекрасно осведомлены о направлениях психологического знания. Они знают и о том, что ни о какой научной объективности, неангажированности этого знания речи быть не может. За каждым направлением стоит социально-мировоззренческий заказ. Ясна им и методологическая основа советской психологии. Позитивные зерна ее многим также понятны и вызывают как интерес, так и вопросы о том, почему мы бросились впитывать западную «традиционную психологию», успехи которой, с точки зрения познания «человека духовного», весьма сомнительны.

Но, вспомнив, что в российской ТП я представляю православно-христианскую традицию, а в ИП РАН занимаюсь изучением именно святоотеческого психологического наследия, я согласился высказаться, не входя в словопрения.

Прежде всего отмечу, что в разговоре о религиозно ориентированном психологическом знании следует учитывать негативные установки в общественном сознании в отношении православия. Достаточно назвать письмо озабоченных «клерикализмом» академиков или многолетнюю дискуссию о предмете «Основы православной культуры». Последнее особенно странно, ибо польза от знания людьми собственной истории очевидна¹. Осложняют разговоры по теме дискуссии и неадекватные экуменические тенденции. Одно дело — уважение к носителю духовной традиции, избегание нетерпимости, религиозной ксенофобии, неуважения к человеку иного вероисповедания. Но другое дело — неуместная политкорректность в усреднении богатства и глубины религий, в унификации в этой связи представлений о сфере божественного. Православию, в частности, есть что защищать, в том числе и в отношении *психологических* идей в святоотеческом наследии. К тому же приверженцам православия известно, что движение к единой религии — это признак движения к «царству антихриста».

Диалог секулярной и религиозно ориентированной психологии затрудняется состоянием дел в самой

¹Кстати, в ТП значение отечественной духовной почвы — аксиома. Никто не оспаривает роль «егрегориальных структур» в качестве духовного фундамента обществ/наций/государств. Сегодня в США мы видим возрождение интереса (с покаянным моментом!) к индейской традиции.

«православной психологии». В одном случае акцент ставится на игнорировании психологического знания или занижении его статуса. Речь идет о неприятии рядом священников любых мостиков с психологией, которая понимается как «знание от лукавого»; психология, не обладая духовным видением человека, не объясняет, что с человеком происходит на духовном уровне. Такое отношение к психологическому знанию священнослужителей и многих воцерковленных мирян понятно и в том смысле, что людям, живущим по евангельским заповедям, психология действительно мало что может дать. Психологические термины способны вызвать отрицательную реакцию у тех, кто знакомится с ними по брошюркам в церковных лавках, тенденциозно подающим материал как «бесовский»².

Другой подход: православное и современное психологическое знание рассматриваются как параллельные линии развития, которые могут сосуществовать, не оказывая заметного влияния друг на друга (наша дискуссия во многом об этом). Третий и четвертый варианты представлены восторженно-некритическим отношением к психотерапевтическим направлениям и психотехникам православных психологов и клириков, которые пытаются использовать их в «духовном

окормлении». Кто-то начинает предпочитать психоаналитические построения священнической духовной интуиции. Кто-то не хочет слышать критику высокосуггестивно-манипулятивной системы НЛП.

Попытки разрешения проблем за счет поверхностного знания психологии — тоже «подводный камень». На фоне церковного предубеждения по отношению к психологии последняя может стать для христианина запретным желанным плодом. Познакомившись с одним из направлений психологических услуг, человек испытывает иллюзию психотерапевтического эффекта.

Пятый вариант: специфика православно-христианского знания растворяется в неадекватных экуменических тенденциях, в идеях инвариантов «глобальной духовности» и т. п. идеях. Последнее мы рассматриваем как опасные тенденции на рынке «коммерческой духовности», а также в русле сектантских течений, опирающихся на психологию. Действительно, некий водораздел лежит в идентификации психолога, ориентированного на православное христианство или на некое «общехристианство»³. В «общехристианстве», например, уже, по сути, не идет речи о борьбе со страстями для преобразования человека в новое состояние⁴.

²В то же время приходится видеть и плоды психологической безграмотности в духовном руководстве людьми. Проблема человека может корениться, например, на уровне «неосознаваемого жизненного сценария», ранней психотравматики. Отсюда и непонимание при полной имитации духовного взаимодействия.

³Этот момент проявился в спорах о названии объединения христианских психологов как «православное общество психологов» или «христианское общество психологов».

⁴Общехристианских инвариантов недостаточно, ибо богословские разночтения на уровне духовной практики могут иметь серьезные деструктивные для людей последствия.

Есть и другие моменты, меняющие картину глубины психологических прозрений православно-христианской традиции. Читаешь христианско-психологический текст — и не можешь понять, кто его написал: католический или протестантский автор, суфий, раввин или представитель «неошаманизма»⁵.

Итак, специфика православно-христианского подхода в текстах отечественных христианских психологов в достаточной мере утрачена. Но именно она должна быть понята и выстроена в качестве «диалектического баланса» экуменической универсализации. Поэтому актуальным представляется процесс выстраивания системы **православно-христиански ориентированного психологического знания** (в более короткой аббревиатуре — ППЗ).

Отвечая на уже высказанные в журнале опасения, подчеркну, что никому не запрещено строить свои религиозно ориентированные системы психологического знания. Пусть это будет и восточно ориентированная психология, и исламоцентрированное психологическое знание, и шаманоцентристские описания, и пр. Трансперсональная психология, кстати, показала, что есть возмож-

ность работать с различными описаниями. Поэтому **все имеют право строить свои описания психической реальности**⁶. Ведь секулярная психология — это тоже лишь **способ описания, причем при абстрагировании от главного в человеке — укорененности в онтологии духовной реальности**. Психология не может быть полной системой знаний о человеке в многообразии его измерений, главное из которых — метафизическая связь с горним миром.

Разрабатываемая ППЗ-концепция⁷ основывается на святоотеческом учении о человеке. *Задача видится в применении святоотеческого православно-христианского психолого-антропологического знания к реалиям современной жизни в условиях глобализации и секуляризации общества.* ППЗ призвана *помочь* (не навязывая) современному человеку более глубоко увидеть свои проблемы, выявить высшие духовные смыслы своего бытия. Становление ППЗ мы видим в сложном взаимодействии «внутренних факторов» и в диалоге как с секулярной психологией, так и с другими духовно-религиозными системами. ППЗ является описанием духовно-душевно-телесной организации человека, описанием, расширяющим

⁵Тексты по ТП хорошо показывают это, увлекательно повествуя о духовности человека, расширении его сознания, мистических переживаниях и т. п.

⁶Надо предупредить, что авторы таких описаний могут не иметь в виду статуса человека у «нерезидентов данной религиозной системы» или что она не подразумевает личного общения человека с Творцом.

⁷В данной статье обобщены результаты работы нашей исследовательской группы по изучению ППЗ (А.А. Гостев, В.А. Елисеев, В.А. Соснин, А.Г. Фомин). В настоящее время наиболее активная работа ведется автором данной статьи совместно с А.Г. Фоминым. Отметим также диссертационное исследование А.Н. Моргуна, проведенное под нашим руководством в лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН.

предметное поле психологической науки.

В психологической науке назрела необходимость поиска преодоления границ сциентистского подхода. Это предполагает расширение предмета психологии, ее категориального аппарата, в частности, осмысление *разных уровней психологического знания* — в том числе на уровне духовно-религиозного опыта (как непосредственного, так и богословского). ППЗ трактует основной **гносеологический принцип** — неразрывной связи познания мира/человека и нравственно-духовного уровня познающего. Рациональный путь познания «макро-микросмической системы» соотносится в ППЗ с гордыней человеческого разума, стремящегося проникнуть в тайны мироздания, но при этом выстраивающего, по выражению апостола Павла, «стену между Богом и человеком». Так какова тогда роль неисправности «познавательного аппарата» субъектов психологического исследования?

ППЗ позволяет обозревать плоскость жизни, осмысливать нравственный потенциал человека, изучать роль религиозного опыта в развитии личности, расширяет возможности современной психологии для описания психической реальности. ППЗ помогает в *постижении субстанциональности и онтологии психической природы человека в единстве ее составляющих*.

ППЗ связано с соотношением двух систем психологического описания:

святоотеческого и научно-психологического. Это две составляющие процесса создания ППЗ. Предполагается осуществить:

– перевод понятий православно-христианской традиции на язык психологии для раскрытия содержания духовно-нравственной проблематики;

– обнаружение духовного, метафизического содержания в современных психологических представлениях о человеке.

Современной психологии предстоит вращаться в междисциплинарное изучение духовного бытия человека, быть открытой для обсуждения материала, накопленного в других системах познания. Все моменты, не вписывающиеся в психологическую науку, — это стимулирующие ее развитие области потенциального осмысления. И мы уже не только отмечаем включение в психологию духовно-религиозной проблематики, признаем значимость святоотеческого психолого-антропологического знания для истории психологии, но и слышим призыв считать область духовно-религиозного опыта полноценным объектом *научного* познания⁸. Действительно, опыт, накопленный в православно-христианской традиции, отражает закономерности религиозного сознания, нравственного совершенствования личности, глубинные структуры и процессы психической жизни человека. Однако этот опыт мало известен академической

⁸Имена «законных» представителей психологической науки — В.А. Кольцовой, В.И. Слободчикова, В.А. Пономаренко, В.В. Рубцова уже показательны. Более подробно этот вопрос рассматривается в ряде работ отечественных ученых (Гостев, 2001, 2002, 2007; Елисеев, 1995; Гостев, Елисеев, Соснин, 2002; Гостев, Елисеев, Фанин, 2007а,б, и др.).

психологии⁹ (дискуссии, подобные нашей, во многом проистекают из такого незнания).

Между тем обозначенная ключевая проблема **концептуально терминологических** «мостов» ППЗ и современной психологии чрезвычайно сложна. Для строительства таких «мостов» можно использовать принцип взаимного отзеркаливания описаний психической реальности. Его реализация предполагает создание взаимных комментариев данных описаний с приоритетом святоотеческого ядра, опирающегося на:

- 1) «теорию страстей»,
- 2) закономерности формирования духовно-нравственной личности,
- 3) понятие о «духовном прельщении».

Ядром ППЗ является анализ понятий православной аскетики, *интерпретируемых с позиций современной психологии*. Системообразующим принципом может выступить принцип «троического единства» (отражение в человеке соотношения сущности и ипостасей Святой Троицы), основанного на идее человека как «образа и потенциального подобия Божьего»¹⁰. При этом следует учитывать символичность, аллегоричность святоотеческих описаний.

В качестве примера встречи святоотеческих метафорическо-символических и научно-психологических

описаний психической реальности в плане взаимного обогащения укажем на следующие проблемы.

ППЗ акцентирует важный для **психологии личности** момент: *личность выражает себя через человеческую природу, оживляя ее, подчеркивая ее уникальность как «божественного творения»*. Природа человека (общее для человеческого рода) реализуется индивидуальным образом в соответствии с Промыслом Божиим о данном человеке. Личность есть качество, связанное с вектором преобразования в богопознании и богообщении «ветхого» человека в «нового». ППЗ решает проблемы внутренней жизни личности, стержневыми моментами которой являются: смысл жизни, жизненные установки и ценности, которые рассматриваются в континууме соотношений «временное — вечное», «ограниченное — неограниченное». ППЗ *центрировано на отношении человека к таким ценностям своего внутреннего мира, как «беспредельное», «божественное», «вечное» и т. п.* Психологии не мешает усилить интерес к таким вопросам.

В ППЗ выделяется вопрос о **духовной** составляющей внутренней коммуникации, межличностного и группового взаимодействия. Эта проблема задает психологии новую область исследования — изучение духовного обращения к **метафизическим аспектам реальности**.

⁹Этот опыт сегодня предельно актуален, ибо христианский путь к святости означает прежде всего развитие и формирование в человеке таких добродетелей, как любовь к людям, милосердие, справедливость и т. д.

¹⁰Принцип «троического единства» позволяет использовать категориально-понятийные богословские разработки применительно к соотношениям телесного, душевного и духовного в человеке.

В связи с ППЗ выдвигается пока гипотетический для науки концепт существования, помимо «видимого», т. е. чувственно постигаемого мира, мира «невидимого», сверхчувственного, однако столь же онтологически реального. Важно понять, что человек не только принадлежит душой к этим обоим мирам, но что в нем также действует онтология «закона Духа» — божественной Любви, Свободы и Благодати. Поэтому в любых взаимоотношениях человека следует выделять три уровня личностных отношений: 1) с Богом и его «светлыми ангельскими силами» — положительным метафизическим фактором (ПМФ); 2) с другими людьми; 3) с силами отрицательного метафизического фактора (ОМФ). Отношения с ОМФ-силами выделим особо, ибо они характеризуются иллюзией свободы, за которой стоит жесткая зависимость от них и различные формы заблуждения. Феномен и закономерности «прелести» выражаются, в частности, в том, что чуждые для человека цели принимаются за выражение его индивидуальности. Сторонники ППЗ также предупреждают: интроспекция способна превратиться в общение с интроецированными проявлениями ОМФ.

Главным ценностно-образующим фактором всех отношений человека является **совесть**. Вне ее изучения «научные» разговоры о личности и духовности неполноценны. Но проб-

леме совести психологи уделяют поразительно мало внимания. ППЗ же показывает, что совесть охватывает все стороны жизни людей, все основные отношения человека — к Богу, к себе и ближним, к вещам. Не случайно «religio» (лат.) имеет одним из своих значений «совестливость». Совесть выступает врожденным неотъемлемым нравственно-психологическим измерением личности в функции высшего регулятора поведения людей. Совесть — это представленность в людях духовных законов мироздания в виде нравственного закона (выраженного в Заповедях Божьих).

Совесть — этот нравственный компас — «зрит грех в себе», напоминает о необходимости преодоления его, борется с «обольщенным умом» и «грехолюбивой волей». Но совесть искажена неправильными представлениями о «земном» и «божественном», о добре и зле, а также нарушением Нравственного Закона. В результате «совесть усыпляется», и духовное начало в человеке незаметно разрушается. Христианство констатирует даже такие возможные состояния, как «сожженная совесть» (1 Тим. 4:2)¹¹.

Современным психологам полезно не только вслед за Ф.М. Достоевским увидеть в совести доказательство бытия Бога в человеке, но и воспользоваться теологическими описаниями предмета. Последнее, в частности,

¹¹Сложной проблемой является связь проблемы совести с религиозной принадлежностью. Действительно, существуют религиозные точки зрения, допускающие насилие и убийство «неверных» или не признающие человеческого статуса и достоинства у представителей иной религиозной и этнической принадлежности. И как в этих случаях говорить о совести как общечеловеческом нравственном индикаторе вне идеи о «спящей совести»?

поможет преодолеть трудности в изучении вопроса — подмену содержания понятия «совести как божественного гласа» в человеке на представления об этнокультурных нормах морали или корпоративной этике.

ППЗ указывает, что человек формирует внутренние отношения с духовными силами, стоящими за образами людей (реальных и виртуальных). Это важнейший метафизический аспект регулирующей силы образной сферы личности. Вступая в отношения с людьми, человек сталкивается с ОМФ-силами, от которых люди находятся в зависимости. Этим, в частности, обретается духовное прочтение понятия «переноса». Подобное ОМФ влияние через образную сферу находит свое выражение на всех уровнях социальной коммуникации, определяя характер общественных ценностей и идеалов. Социальной психологии и психологии личности полезно учесть и такой механизм социальных представлений.

То, что человек находится под воздействием метафизических сил, чрезвычайно актуально для исследования **психического развития**. Через осознание своего положения в видимом и невидимом мире человек способен осознать необходимость минимизации ОМФ воздействия на себя и устремиться к богообщению. Если ОМФ задает регрессивный вектор развития, то «источникостремительная тенденция» определяется действием благодати, призывающей человека к покаянию как изменению жизни. ППЗ подчеркивает, что на каждом этапе развития благодать и ОМФ формируют в человеке либо *добродетель*, либо *греховную*

страсть. Выяснение, на каком этапе развития случилось внедрение ОМФ, помогает глубже понять причины духовного недуга, метафизический источник психологических проблем. Поэтому основой православного взгляда на **личностную психопатологию** является понимание греха как ее источника, освоение понятия *духовно-психологической нормы*. Психопатология может быть рассмотрена как *болезнь души, когда человек отклоняется от данного ему Творцом предназначения, утрачивает связь с Богом и внутреннее единство*. Грех есть явление метафизическое — несоответствие человека своей истинной природе и предназначению. Особенности и мера этого несоответствия и определяют патологическую телесную, душевную и духовную жизнь. В согласовании ППЗ и секулярного взглядов на психопатологию должно проявиться новое знание о *духовно-психологических нарушениях, которыми страдает именно современный человек*.

В психологическом плане грехопадение является нарушением иерархии структур в человеке, приводящим к изменению его психологической природы. На вершине должен стоять Дух, дающий ясность и стройность психической жизни, центрирующий жизнь человека на Боге. Когда же главенство занимают низшие составляющие человеческого бытия — его «плотское начало», подчиняющее и «душу» и «дух», — говорить о полноценной личности неправомерно. Психологическая наука, утверждающая нервно-соматическую обусловленность психики, имеет дело именно с таким «перевернутым» человеком, объявляя образ

«ветхого человека» нормальным. «Низшие душевно-организмические» потребности вступают в антагонизм со сферой духа в человеке.

В то же время отметим, что описание обычного человека в системе ППЗ сопоставимы с данными, накопленными и в психологии. Психология поэтому может дополнить знания о нецелостной природе «ветхого человека», которого мы должны в себе узнать и преодолевать на пути нравственно-духовного развития.

ППЗ содержит сведения об *искажениях «сил души»*, которые могут быть сопоставлены со знаниями о психических процессах. Так, главным изменением в сфере восприятия является то, что за образами вещественного мира человек перестал видеть метафизические прообразы мира невидимого и Единый Первообраз. Это изменение усиливается на уровне *представлений*: мы сталкиваемся с понятием «прельщения», раскрывающим иллюзорность картины мира, искажения в познании самих высших духовных смыслов, виртуализацию человеческого бытия в уходе от богосозданного мира. *Мышление* «ветхого человека» вне Премудрости Божьей внутренне противоречиво и разорвано. Его *внимание*, управляемое социобиологическими факторами, отвращено от «духовной вертикали» и обращено к суетным земным предметам. Искажена и *память* — нет непрерывного памятования о Божественных Заповедях¹². Искажения *эмоциональной и*

мотивационно-волевой сфер проявляются в том, что эмоции захлестывают человека, подчиняя его волю, направляя на реализацию самости и страстей. Психология ограничивается сферой человеческой воли, которая работает на «самоугождение плотского человека». ППЗ же напоминает о Божьей воли в человеке, указывающей путь «совершенствования в добре», и о ОМФ-воле, мешающей этому. ППЗ подчеркивает важность «трезвения» как прояснения сознания. Измененные состояния сознания, которые сегодня так активно пропагандируются (в сектоподобных школах личностного роста), есть не «просветление ума», а его *помрачение*. Нужно говорить о внутреннем единстве нового преображенного человека в его устремлении к Богу.

ППЗ вносит вклад в **психологическое консультирование и психотерапию**. Существующие концепции не дают понимания проблем человека на духовном уровне, не проясняют *духовно-онтологическое содержание* внутреннего кризиса личности. ППЗ позволяет видеть контекст духовно-психологической безопасности клиента, неизвестный психотерапии, не признающей метафизических аспектов проблемы.

Интересная проблема практической психологии личности — точка зрения ППЗ на *психологические защиты*. «Кожаные ризы», о которых говорится в Библии, могут быть описаны в качестве пси-защит в двойкой

¹²Человек, не живущий в соответствии с духовными законами мироздания (иллюзии о «боге в душе» недостаточны вне следования Нравственному Закону), старается не помнить о грехах и об ответственности за них после смерти.

функции: 1) защита «образа Божьего» в человеке от деструктивных духовных сил; 2) придание страстям приемлемого оформления, приспособление людей к «полноте греховной жизни». Пси-защиты, приобретающая форму стойких стереотипов поведения и восприятия, превращаются в главенствующий фактор внутренней жизни, становятся проводником чужой воли. Понятно, что осознанию греховных страстей мешает **вытеснение**. Например, *сребролюбие* может открыться при утрате имущества. При **отрицании** человек не замечает внешних подсказок о своих страстях. **Рационализация** формирует картину мира и образ себя, оправдывающие страсти. Почему бы не обосновать страсть блуда выбором тантрической традиции в качестве «духовного» пути?¹³

В связи с ППЗ ставятся важные вопросы психологии личности, подходов к личностному росту. Насколько психология, далекая от понимания метафизической онтологии духовности и, соответственно, неспособная определить уникальность жизненного пути личности, водимого Промыслом, имеет право работать с проблемами человека, снимать его так называемые «комплексы»? Как относиться, в частности, к тому, что целомудрие — эта высочайшая нравственная ценность пред Богом — стало восприниматься как «закомплексованность», подлежащая психокоррекции? Осознается ли то, что «краеугольный камень» теорий лич-

ностного роста — самоактуализация — чревата духовным изъяном гордыни?

ППЗ помогает также понять: сильное Эго является противником духа в человеке. Это позволяет критично относиться к претензиям школ личностного роста на духовное руководство людьми; психология пока вряд ли готова взять на себя ответственность (и реально нести ее) за последствия «избавления» людей от невротичности, проблем и конфликтов. Но психология обслуживает «рынок коммерческой духовности» с его товаром — психотехническими манипулятивно-зомбировочными системами. Духовный рост подменяется психотехническим. В поисках «путей к Свету» люди оплачивают свое «приобщение к духовному», не замечая ловушки — иллюзии соблазна. Но духовно-нравственное развитие является результатом тяжелой кропотливой работы, и *купить его нельзя в принципе*. Человек же может пропустить момент, когда он становится носителем (как минимум) пустой, ложной псевдодуховности (а может, и духовности ОМФ-сил).

Итак, позиция автора исходит из того, что ППЗ более полно, чем современная психология, описывает онтологию и гносеологию «психического». Это происходит, в частности, потому, что ППЗ учитывает взаимодействие таких факторов, влияющих на человека, как благодать от «образа Божьего в человеке», ПМФ, ОМФ,

¹³Особенно внимательно должны относиться к проекции люди, занимающиеся психологической помощью. Психолог должен помнить, что есть опасность под видом помощи реализовывать собственные страсти за счет клиента.

«искаженное несовершенное человеческое естество». Более полно в ППЗ реализуется и принцип развития в аспекте потенциального преобразования человека как главного смысла жизни. Если психология желает быть наукой, адекватной своему названию, ей следует не только признать богосозданный статус человеческой души, ее метафизическую связь с мирозданием, но и соотноситься с наличествующим духовно-нравственным и психологическим состоянием людей. Пока же современная психология является объемным и детальным сборником комментариев к своему будущему предмету

исследования. Однако абсурдность ситуации не отрицает значения проделанного научного пути, т. е. изучения феноменов и закономерностей искаженной психики. Это необходимый этап в создании новой парадигмы психологического знания. Автор хотел бы видеть учебники психологии, авторы которых признают, что *Бог создал человека по Своему образу и потенциальному подобию, дав людям бессмертную душу. Только впитав в себя метафизические измерения духовного бытия, психологическая наука будет способна помогать движению образа Божьего в сторону богоуподобления человека.*

Литература

Гостев А.А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов. М., 2001.

Гостев А.А. Психология вторичного образа (субъект, феноменология, функции): Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2002.

Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во ИПРАН, 2007.

Гостев А.А., Елисеев В.А., Соснин В.А. Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 4. «Методологические проблемы историко-психологического исследования». М., 2002.

Гостев, А.А., Елисеев, В.А., Фомин А.Г. К проблеме концептуально-терминологического перевода святоотеческих описаний психологических реалий // Материалы VI Международной встречи по истории психологии. М., 2007а.

Гостев, А.А., Елисеев, В.А., Фомин А.Г. Актуальные теоретические и практические проблемы создания православно-христианских Центров духовно-психологической помощи // Материалы юбилейной конференции ИП РАН. М., 2007б (в печати).

Елисеев В.А. Православный путь к спасению и восточные и оккультные и мистические учения. М., 1995.